

УДК 2-11:115-044.7

DOI <https://doi.org/10.24195/spj2310-2896.2019.4.18>**Ханжи Владимир Борисович**

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и биоэтики
Одесского национального медицинского университета
пер. Валиховский, 2, Одесса, Украина

Синицына Алла Васильевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры украиноведения и философии
Ивано-Франковского национального медицинского университета
ул. Галицкая, 2, г. Ивано-Франковск, Украина

АВГУСТИН АВРЕЛИЙ: МОДЕЛЬ ЛИНЕЙНОГО ВРЕМЕНИ

Проблема часу привертає дослідницький інтерес протягом тисячоліть. Однак в останні десятиліття спостерігається підвищення її актуальності у зв'язку із все більш відчутним прискоренням історичного процесу. Тому дослідження і реконструкція різних моделей (в тому числі, моделі лінійного часу), що пропонують тлумачення ходу історії і часу, сприятимуть пошуку адекватної відповіді на виклики сучасності та майбутнього. Метою статті є інтерпретація моделі лінійного часу (на прикладі системи Августина Аврелія) через виявлення та осмислення її ключових характеристик. Методологічними засадами дослідження є: 1) концептуальна реконструкція – під час осмислення моделі лінійного часу; 2) порівняльний аналіз – під час співвіднесення античної та середньовічної систем світорозуміння взагалі, а також лінійної та циклічної моделей часу і історичного процесу зокрема; 3) принцип історизму – під час виявлення характерних особливостей августиніанського тлумачення становлення людства і плину часу, що супроводжує історію.

Результати дослідження: 1) показані принципи відмінності середньовічної й античної онтологічних систем: у тлумаченні принципу творення світу; у вирішенні питання про поєднання духовного і матеріального; в розумінні фундаментальних основ упорядкування світу. 2) Виявлено і осмислено характерні особливості моделі лінійного часу (через її порівняльний аналіз з моделлю циклічного часу), що впливають з середньовічно-християнського світорозуміння: лінійність, суть якої в тому, що Боже створення світу, задавши йому початок, спрямувало хід часу та історії до логічного фіналу – кінця світу, який надає всім етапам історичного процесу взаємозумовленість і єдиний сенс; телеологічність, тобто відповідність темпорально-історичного становлення Божественному плану, розробленому адекватно заданій Богом меті; 3) одновекторність, завдяки якій історичні події здійснюються в строгій послідовності – від створення до кінця історії і підведення її підсумків на Страшному Суді, причому неможливість обернення часу та історії є принциповою. Підкреслено подвійність думки Августина Аврелія щодо сутності часу. В описі процесів створення та становлення світу філософ позиціонує час як об'єктивну їх характеристику. До суб'єктивізації часу мислитель вдається, стикаючись зі складністю фіксації фаз часу за допомогою слова «є». Способом подолання цієї складності Августин бачить конституювання минулого, теперішнього і майбутнього різними інтенціями свідомості.

Ключові слова: Августин Аврелій, модель лінійного часу, модель циклічного часу, історичний процес, об'єктивізація часу, суб'єктивізація часу.

Введение. Вопрос о характере течения времени входит в когорту наиболее древних философских вопросов. Он выступает в качестве одной из производных более масштабной проблематики, в лоне которой – вопросы о соотношении Бога и мира, о статичности или динамичности мироздания, о взаимодействии его внешних детерминант и внутренних потенций и так далее. Если тот или иной мыслитель, та или иная школа отдавали предпочтение динамическому подходу и оценивали сущее как становящееся, они имплицитно или эксплицитно обращались

к категории времени. Конечно, в ряде учений, например, у настаивавшего на событийном характере сущего Гераклита, специальной разработки понятия времени нет. Однако коренящаяся в наследии философа из Эфеса образцовая линия мысли («парадигма динамичности» [14, с. 82]), принявшая его посылы в качестве исходных, уже придает категории времени чрезвычайно важный статус и в дальнейшем без нее не обходится.

Рост *актуальности* проблемы времени естественным образом связан с все более ощутимым ускорением исторического процесса. Безусловно, разработка новых и реконструкция разработанных ранее моделей, в рамках которых предлагается осмысление исторического процесса и сопровождающего его времени, являются важным шагом в поиске адекватного ответа на вызовы и сегодняшнего, и завтрашнего дня. В данной работе мы обращаемся к модели времени, в рамках которой темпорально-исторические процессы осмысляются в качестве таких, которые имеют общий необратимый вектор и в которых все этапы их становления взаимосвязаны и обусловлены единым смыслом. Для примера будет взята концепция Августина как одна из первых в христианской культуре попыток философской артикуляции библейской историософской мысли. В последние десятилетия такая парадигма – *модель линейного времени* – неизменно вызывает (как и традиционно противопоставляемая ей модель времени-цикла) исследовательский интерес (выделим работы С.С. Аверинцева, Ф. Анкерсмита, М.А. Барга, А.И. Бриллиантова, П.П. Гайденко, Л.Е. Гринина, А.Я. Гуревича, В.Н. Сырова и С.Ю. Сухановой, М. Элиаде). Тем не менее, следует отметить, что показанный подход по-прежнему таит в себе возможности новых исследовательских акцентов.

Целью данной статьи является интерпретация модели линейного времени (на примере системы Августина Аврелия) посредством выявления и осмысления ее ключевых характеристик. Этапами реализации цели служат решения следующих **заданий**: 1) осуществить сравнительный анализ главных положений античной и средневековой онтологических систем; 2) выявить вытекающие из христианского вероучения установки о сущности и характере течения времени и исторического процесса; 3) проанализировать амбивалентную сущность непосредственно августианианского понимания времени.

Методами исследования являются: 1) концептуальная реконструкция – при осмыслении модели линейного времени; 2) сравнительный анализ – при соотнесении античной и средневековой систем миропонимания вообще, а также линейной и циклической моделей времени и исторического процесса в частности; 3) принцип историзма – при выявлении характерных особенностей августианианского истолкования становления человечества и течения соответствующего такому времени.

Результаты. Средневековое мышление, в отличие от античного, подходит к проблеме времени и исторического процесса на принципиально иных основаниях. В понимании этих отличий следует исходить из явного разночтения в решении фундаментальной проблемы – создания мира и его последующего становления (при том, что греко-римские взгляды в значительной мере повлияли на средневековые).

Во-первых, это касается принципа сотворения мироздания. Античное мышление позиционирует пассивное материальное начало в качестве необходимого средства созидания. Поэтому Бог в таких воззрениях есть Творец не в абсолютном смысле этого слова, а, скорее, мастеровой, строитель, упорядочивающий мир, становящий его из Хаоса в Космос (используем метафору Б. Рассела). В свою очередь, средневековые философы постулируют сотворение мира «из ничто» (*ex nihilo*), следовательно, Бог выступает уже как Создатель всего сущего, включая саму материю.

Во-вторых, качественно отличаются решения вопроса о сочетании духовного и материального. Античная мысль, рассматривая духовное как вечное, а телесное как временное, полагает возможным их сочетание (путем отображения либо путем внедрения) лишь в вещественном мире (Сократ, Платон, Аристотель, неоплатоники). Средневековая философия, конкретизировавшая осмысление вечного и временного диалектикой Бога-Творца и творения, а также эсхатологическим учением, дает принципиально иную установку: праведники после Страшного Суда получают новые, окрепшие *тела* и вечное пребывание *в Царстве Божию*. То есть, как пишет Рассел, «...иной мир понимался не как нечто метафизически отличное от мира сего, а как буду-

щее, когда добродетельные будут наслаждаться вечным блаженством, а уделом порочных явятся вечные муки» [11, с. 376]. Такая установка, разумеется, гораздо проще комплементаризировалась общей линейной модели времени.

Третий актуализирующийся момент – истолкование источника упорядочивания мира. Если античная традиция, идущая, похоже, от Парменида и Гераклита, зиждется на тезисе об имманентности закона космоса самому мирозданию в качестве его неотъемлемого атрибута, то во второй традиции качество упорядоченности мыслится не коренящимся в природной сущности, а детерминированным метауровнем – Богом-Творцом. Естественно, что в таком случае заданность свыше делает процесс упорядочивания субстанциальным – в том смысле, что он оказывается индифферентным к акцидентальным явлениям и процессам материального мира. Принцип подчиненности всего сущего не своему собственному (космическому) порядку и не собственной «свободе воли», но Воле Всевышнего, организующего космос по Своему разумению, превращает движение небесных тел, а с ним – и ход мировых процессов временного характера, в некое подобие служения Богу. Раннехристианский теолог и философ Ориген по этому поводу замечает, что ничего противоречивого нет в том, чтобы мыслить о движении светил так же, как и об устремлениях живых (более того, разумных) тварей. Он пишет, что возможно и к небесным телам, «... покорившимся суете не по своей воле, но по воле Покорившего, и пребывающим в надежде обетования, приложить Павловы слова: «Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Фил. 1, 23)» (Origenes. De principiis, I, 7, 5 // PG. T. 11. Col. 1751) [Цит. по : 1, с. 489]. Небесные тела, подобно монахам, в смирении и терпении осуществляющим свою миссию, продолжают исполнение того, что предначертано Создателем, – вплоть до светопреставления. Такой акцент позволяет мыслить гораздо масштабнее: уровень ближайшего рассмотрения открывает цикличность мировых процессов; в то же время, мета-уровень демонстрирует их единую линейную устремленность – к концу света.

Концепция времени Августина полностью подготавливается Библейским Писанием. Подобный подход позволяет осмыслить две важнейшие идеи – сотворения мира и светопреставления – как символы начала и конца истории. Тем самым, в рамках такой модели время приобретает, по меньшей мере, три важнейших признака, которых не было в доминировавшей в античности (Платон, Цицерон) модели цикличности: 1) *линейность* (исходя из этого признака, мы именуем и саму концепцию – линейная (или линейарная), и соответствующий подход в целом); 2) *телеологичность*; 3) *одновекторность (необратимость)*.

Охарактеризуем эти признаки подробнее. Идея линейности вытекает из библейских установок об устремленности времени и исторических процессов от начала мира, заданного Абсолютным Творцом, к его концу, светопреставлению, сменивших греческую идею «...самозамкнутого, самодовлеющего, «сферически» завершенного в себе и равного себе мира» [1, с. 487]. В фундаментальной работе «О граде Божиим» (кн. 12, гл. 13) Августин резко отвергает господствовавшее длительный период циклическое понимание времени: «Во всяком случае, с правою верой несовместима мысль, ... что, например, как в известный век философ Платон учил учеников в городе Афинах в школе, называвшейся Академией, так и за несметное число веков прежде через весьма обширные, но определенные периоды, повторялись тот же Платон, тот же город, та же школа и те же ученики; и впоследствии, по прошествии бесчисленных веков, снова должны повториться. Чуждо, говорю, это нашей вере. Ибо Христос однажды умер за грехи наши; восстав же, «уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим. VI, 9); и мы по воскресении «всегда с Господом будем» (1 Фес. IV, 17)...» [5]. Ветхозаветная концепция эсхатологических перспектив мира ясно открывает направленность и смысл течения истории. Как скажет уже в XX веке Николай Бердяев, «История имеет смысл потому, что она кончится. История, не имеющая конца, была бы бессмысленна. Бесконечный прогресс бессмыслен» [4, с. 305]. Однако кроме этого очевидного значения, которым обладает понятие линейности, следует выделить еще одну его сущностно значимую артикуляцию. В рамках линейного понимания времени и истории вся становящаяся процессуальность понимается как монолит в том смысле, что все ее этапы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Августин выделяет следующие принципиально важные вехи исторического процесса в его христианской

интерпретации. Уже упомянутое создание мира в шестой день венчается сотворением первого человека, что выступило исключительным актом, ведь только человек был создан «по образу и подобию Божьему». Подобие это выразилось в том, что он наделен разумностью и свободной волей, то есть теми качествами, которыми в абсолютной полноте обладает Всевышний и которыми Он не наделил ни одну, помимо человека (относительно), тварь мироздания. Далее обретший свободную волю человек предстал перед величайшим выбором – выбором между добром и злом. Окрыленный гордыней, он избрал путь греха, и этот – второй – исторически важный этап (грехопадение), как видно, органично взаимосвязан с первым: потенция свободной воли должна была обрести действительное существование, актуализироваться. Следующий момент связан с идеей искупительной миссии Христа, являющейся в истории, мыслимой как линейный процесс, ярко выраженной кульминацией. Уникальность миссии Спасителя подчеркнута и в принципе исчисления времени в рамках христианского мира. Все, что было до этого исключительного события, фиксируется понятием «до нашей эры», все, что позже – понятием «нашей эры». А.Я. Гуревич по этому поводу пишет, что «... историческое время приобретает определенную структуру, и количественно, и качественно четко разделяясь на две главные эпохи...» [9, с. 99]. На данный момент (эту временную привязку к «схватывающему» сознанию может, как оказалось, себе позволить и средневековый мыслитель, и наше поколение) человечество живет ожиданием Второго Пришествия Христа. Второй раз, согласно христианским представлениям, Иисус придет не для того, чтобы дать очередной шанс спастись, а для того, чтобы судить. Поэтому это событие есть символ финиша истории человечества и, соответственно, конца исторического времени. В то же время, светопреставление, ставшее последним аккордом сыгранной мирозданием симфонии, выступит одновременно и точкой отсчета так называемой метаистории, которая начнется с подведения итогов свершившегося исторического процесса – Страшного Суда. Принципиально важно то, что метаистория, в отличие от истории атрибутируется уже не временем, а вечностью, ибо и праведники в Царстве Небесном, и грешники в аду пребывать будут перманентно.

Второй признак времени и истории в рамках линейного подхода – телеологичность. В общем смысле это означает, что темпорально-исторические особенности становления человечества суть реализация Божественного плана [3, с. 76–106; 8, с. 156, 161; 13, с. 481]. Божественная цель выступает в качестве аттрактора истории, что придает ее структуре направленность и поэтапность, а также связывает и подчиняет весь событийный ряд Божьему Промыслу. Цель эта, согласно христианским воззрениям, что, естественно, подчеркивает и Августин, – в обретении жизни вечной в Царствии Небесном. Следовательно, жизнь в мире суетном должна рассматриваться не самоцельно и самоценно, а как период испытаний и тернистого шествия к Богу.

Отметим, что диалектика вечного и временного в концепции Августина («О граде Божиим») во многом подготовлена той исторической картиной, которую созерцал и переживал философ. В 410 г. «Вечный Город» был захвачен и разграблен вестготами. Это событие произвело большое впечатление на современников Августина Аврелия, ведь подобных злоключений с Римом не происходило около восьми веков. По мнению М.А. Барга, в этой ситуации задача мыслителя «заключалась в том, чтобы отвести от христианства обвинения, будто из-за забвения прежних богов на них обрушились их гнев и возмездие» [3, с. 78], но ему удалось большее – прояснить масштабность вклада, который «... внесло христианство в историческое сознание европейских народов» [3, с. 78]. Современные исследователи В.Н. Сыров и С.Ю. Суханова настоятельно рекомендуют [13, с. 483] в оценке влияния эпохального контекста на творчество мыслителей учитывать тот травматический эффект, который возникает как следствие воздействия социальных, политических, культурных метаморфоз на свидетелей этих процессов. Отталкиваясь от мысли Франклина Анкерсмита о том, что история открывается перед людьми как следствие коллективного травматического опыта [16, с. 76], и развивая ее, они отмечают: «... Прошлое востребуется нами, прежде всего, в силу практических нужд, которые могут быть порождены травмой, обусловленной не силой самих событий, а их несовпадением с нашими ожиданиями. Августин, конечно, не первый, чье обращение к истории было стимулировано потребностью осмыслить такой опыт, но направление его мысли заслуживает пристального внимания» [13, с. 483].

Важным моментом в формировании модели Августина явилось то обстоятельство, что средневековый философ должен был перенести аксиологический акцент с привычной для римлян устремленности к тому, чтобы получать максимум позитивных эмоций «здесь и сейчас», на заботу о будущем в истинном вечном мире, ради чего «здесь и сейчас» следует укрощать земные пристрастия. Интересно, что представления о том, что не такой уж и вечный Рим («град земной») рано или поздно падет, имели место быть и в христианской религии, и языческих верованиях. Мирча Элиаде по этому поводу пишет: «Каждый раз, когда исторические события принимали ярко выраженный катастрофический характер, римляне верили, что «Великий год» (вселенский временной цикл длительностью, согласно Цицерону, в 12 954 года – авт.) подходит к концу и Рим стоит на пороге крушения» [15, с. 125]. Свидетельством приближающегося апокалипсиса будет «целая вереница бедствий..., и первым среди них будет падение Рима и распад римской империи...» [15, с. 119]. Таким образом, идея обусловленного мировым законом конца истории наличествовала как в старом (финал циклического движения), так и в новом (финал линейного движения) миропонимании. Естественно, что это обстоятельство добавляло весомости августианианской критике мирского благоденствия.

Наконец, третий отличительный признак времени и исторического процесса в рамках линейной модели – необратимость. Показательно, что греческий посыл о циклической замкнутости космоса фактически приводит к элиминации этой характеристики времени – она уступает место симметричности. Вследствие этого время артикулируется в модусе пространственности. Ветхозаветная мысль, наоборот, «овременяет» пространство – как «вместилище» необратимых событий [1, с. 492–493]. Российский исследователь С.С. Аверинцев, характеризуя это отличие в культурных акцентах, пишет: «Греческий бог Зевс – это «Олимпиец», то есть существо, характеризующееся своим местом в мировом пространстве. Библейский Бог Яхве – это «Сотворивший небо и землю», то есть Господин неотменяемого мгновения, с которого началась история, и через это – Господин истории, Господин времени» [1, с. 493].

Отметим, что в исследовательской литературе, посвященной августианианской концепции времени и истории, присутствует позиция, указывающая на определенную натянутость истолкования взглядов мыслителя как относящихся к линейному подходу. Так, например, Сыров и Суханова полагают, что история в артикуляции Августина не может быть представлена как выражение той или иной закономерности: она ни к чему не приближает или, наоборот, ни от чего не отвращает. Скорее, она дает возможность через поэтапные, от события к событию, обретение, оценку и переоценку ценностей получать опыт – опыт испытаний и опыт осознания значения этих испытаний. Поэтому главная заслуга епископа Гиппонского – «...придание истории статуса опыта, а именно опыта переоценки ценностей и на основе такой переоценки испытания прочности сделанного выбора, а именно веры» [13, с. 486]. В такой подаче прошлое оказывается серией ситуаций, которые каждый человек трансформирует в последовательность опытов, что, по мнению Хайдена Уайта, позволяет преодолеть уже упомянутую коллективную травму, вызванную переживанием событийного ряда [17]. Тем не менее, рассмотрев вышеупомянутую точку зрения, мы все же настаиваем на возможности общей типизации концепции Августина как относящейся к линейному подходу, ибо, как уже было указано выше, она отвечает наиболее существенным критериям этого подхода.

Далее перейдем к рассмотрению взглядов Августина Аврелия на природу самого времени. Особенно подчеркнем, что в его философии время предстает в двух качествах: и как объективная характеристика процессов становления, и как условие субъективного отражения действительности. Первый вариант раскрывается средневековым философом в контексте его осмысления процесса созидания мира. Исходя из ветхозаветных принципов сотворения, он утверждает, что Бог не располагал для этого ничем, из чего можно было бы созидать (тезис, чуждый античной классике, полагающей необходимым основанием творческого процесса пассивное материальное начало – хиле или хора). Поэтому необходимо, следуя библейской традиции, принять аксиому созидания исключительно Абсолютными Словом и Волей – вечными Божьими атрибутами. Принципиальную необходимость в обращении к категории времени (в объективистском

ее значении) мыслитель обнаруживает, обращаясь к сложнейшему по своей глубине вопросу (что усугубляется его резкой провокационностью): «Что же делал Бог перед сотворением неба и земли?» [12, с. 219]. Поверхностные ответы в стиле «Он был недеятельным, не считая нужным творить» автоматически вызывают новые резонансные вопросы, например, о причинах, побудивших Бога прекратить недеяние и осуществить творческий акт, или об отсутствии в течение какого-то периода основания созидания – Воли, что в корне само по себе противоречиво, ибо «... Воля Божья належить до самої його субстанції» [12, с. 220]. Августин полагает, что ошибочность подобных суждений вызвана неверной трактовкой тезиса «Вначале сотворил Бог небо и землю». Ошибка в том, что люди, задавая вопрос о том, что же было «до» первичного акта, используют временную семантику. Однако поскольку начало творения мироздания задало и *начало времени* как характеристики мира, то выходит, что обыватель в своих вопросах, по сути, прилагает темпоральную характеристику уже не к миру, а к Богу и Его деятельности, что противоречиво по отношению к вечности как сущностному атрибуту Всевышнего (см. также – [14, с. 113]). Следовательно, вопрос о деятельности Творца до акта творения априори некорректен: «Коли ж... до створення неба і землі зовсім не було часу, то чому ж питати про те, що Ти «тоді» робив? Там, де не було часу, не було ще й "тоді"» [12, с. 221]. Бог опережает время и все тленное не *по времени* и не *во времени*, а первенствует над ним с высоты своей вечности.

Значительно усиливает концепцию линейного времени Писание Нового Завета. Миссия Христа, выступившая, согласно Божьему замыслу, кульминационным моментом исторического процесса, не может быть многократной. Множественность акций спасения обесценила бы их значимость и в сознании человечества, и в объективном ходе истории: люди попросту распрощались бы с совестью и самодисциплиной как с ненужными довесками, поскольку всегда бы сохранялась разлагающая души надежда на очередной (к которому всегда можно успеть!) шанс для заблудших овец.

Отметим, что августинианскую модель традиционно рассматривают в контексте тенденции субъективизации времени. И если исходить из взглядов на естество времени, изложенных философом в «Исповеди» (их анализ будет предложен ниже), то это действительно так. Однако если мыслитель обращается к вопросам сотворения и становления мира, то этот подход перестает его удовлетворять, ибо рассмотрение времени исключительно как внутриспихической способности и необходимости в корне исказит принципы, заложенные Богом в процесс созидания. Так, в трактате «О граде Божием» (кн. 11, гл. 6) Августин Аврелий пишет: «... Несомненно, что мир сотворен вместе с временем, если при сотворении его произошло изменяющееся движение, как представляет это тот порядок первых шести или семи дней, при которых упоминаются утро и вечер, пока все, что сотворил Бог в эти шесть дней, не завершено было днем седьмым, и пока в седьмой день, с указанием на великую тайну, не упоминается о покое Божием» [5].

Второй, субъективистский, вариант истолкования времени излагается Августином следующим образом. Философ анализирует традиционное выделение временных фаз прошлого, настоящего и будущего. Он настаивает, что к первой и третьей из них неприложима словесная фигура «есть», ибо прошлого *уже нет*, а будущего *еще нет*? На первый взгляд, этого нельзя заявить о настоящем, поскольку его присутствие как раз и выражается через *есть*. Однако сущность настоящего времени также оказывается противоречивой, поскольку в данной фазе статус настоящего выявляется через «теперь», а статус времени – через возможность трансформироваться в прошлое. Парадокс настоящего времени как раз в том и заключается, что, уйдя в прошлое в качестве *времени*, оно перестанет быть *настоящим*. В такой подаче, по сути, не остается места ни для времени, ни для атрибутированного временем мира. Возможность преодоления этой ситуации Августин Аврелий видит именно в субъективизации фаз времени. Его заботит проблема «исчезновения» прошлого, настоящего и будущего (как было показано выше), поэтому он полагает, что исходить следует из фиксации этих фаз различными интенциями сознания. Вместо традиционной дифференциации корректно, по мнению средневекового мыслителя, говорить о «настоящем прошлого», «настоящем настоящего» и «настоящем будущего», то есть, соответственно, – о памяти,

непосредственном созерцании и ожидании с предвидением. Действительно, настоящее, трансформировавшееся в прошлое, объективно является не-сущим, однако его след в памяти присутствует «сейчас». Таким же образом будущее, которого еще нет, присутствует в настоящем в виде символов-маркеров, позволяющих о нем догадываться и осуществлять общее прогнозирование (в средневековом стиле – предвещать). Наконец, размышляя о настоящем, Августин особенно отмечает его мгновенное исчезновение и связанную с этим невозможность фиксации. Неуловимость настоящего вытекает из того обстоятельства, что всякая фиксация предполагает пролонгированность фиксируемого. Говоря о текущем столетии как о *сегодняшнем* веке, мы прекрасно понимаем, что к сегодняшнему причастен лишь один год (или день), тогда как остальные девяносто девять лет (или 36 160 дней в летоисчислении IV века) – или в прошлом, или в будущем. День, в свою очередь, также не являясь неделимым монолитом и представляя собой совокупность множества «теперь» (часов, минут или секунд), распадается между прошлым и будущим. Та же логика справедлива и в отношении частей дня, часа или минуты (подробнее – [14, с. 114–115]).

Итак, прошлое и будущее как «уже-не-сущее» и «еще-не-сущее» не могут быть мыслимы как объективные фазы действительности, фазы объективного времени, а настоящее постоянно «разрывается» между прошлым и будущим. Но что же тогда служит характеристикой движения и системой его измерения (как сказал бы Аристотель, «числом считаемым» и «числом считающим»), если не время? (Напомним, что сам Стагирит полагал, что «... время есть число считаемое, а не посредством которого мы считаем» [2, с. 149]). И как же представить движение, если вместе с категорией времени исчезнут и категории длительности (того или иного процесса) и протяженности [12, с. 230]. Поэтому мыслитель и редуцирует время (как выражение протяженности) к протяженности самого духа: человеческая душа, обладающая способностями памяти, внимания и сосредоточенного ожидания, потенцирует выделение во времени фаз прошлого, настоящего и будущего, а также его измерение.

Отметим, что субъективизация и даже психологизация времени реализуется Аврелием в контексте его общего стремления теснейшим образом связывать религиозно-философские и психологические идеи (к сожалению, философ не всегда был последовательным и эти попытки не всегда увенчивались успехом). Подчеркивая такую особенность августинианского учения, исследователь А.И. Бриллиантов настаивает, что «в Августине богослов неотделим от психолога» [6, с. 157]. Подобная философско-методологическая платформа была сущностно необходима, поскольку «сам он понимал повышенную энергию своей жизни как производимую стремлением к Абсолютному или, лучше, влечением со стороны Абсолютного и психологический анализ стоял у него в теснейшей связи с религиозными воззрениями. Если же религиозное стремление руководило им в его психологическом анализе, то, с другой стороны, характеристика его как психолога может содействовать пониманию его богословских воззрений» [6, с. 157].

Как видно, Августин вынужден балансировать между субъективистским и объективистским подходами. Подобную амбивалентную позицию, как может показаться, выражал в позднеантичное время Плотин. Этот автор, с одной стороны, объективизировал время, рассматривая его в качестве порожденного Мировой Душой: «Время возникло вместе с небесами, потому что такой жизненный процесс (то есть процесс Души)... порождает небеса и время» [10]. Но, с другой стороны, Плотин локализует время «... в каждой человеческой душе...» [10]. Однако в работе блестящего исследователя античной и средневековой мысли П.П. Гайденок показано, что прямого наследования Августинианом модели Плотина нет, ибо для Плотина внутриспихическая природа времени является вторичной по отношению к фундаментальной связи – связи с Мировой Душой [7, с. 415]. Августинианская же субъективизация времени выглядит концептуально самостоятельной и поэтому уникальной для своей и предшествующей эпох. Другое дело, что средневековый автор, похоже, так и не изыскал возможности соотнести два разрабатываемых им подхода, объективистский и субъективистский, в едином концептуальном моделировании времени.

Выводы. В статье показаны важные отличия между античным и средневековым подходами к проблеме времени и исторического процесса. Специфичность решений касается принципа сотворения мира Богом (роли Бога-Творца и функций материи), сочетания духовного и материального, а также оснований упорядочивания мира (как коренящихся в сущности природы или заданных Богом).

На примере концепции Августина Аврелия предложена интерпретация модели линейного времени. Выявлены и осмыслены признаки, отличающие линейную модель от циклической: 1) линейность – устремленность времени и исторических процессов от начала мира, заданного Богом, к его концу, а также взаимосвязанность и взаимообусловленность этапов темпорально-исторического становления; 2) телеологичность – адекватность течения времени и развертывания истории Божественной цели и подчиненному ей плану; 3) одновекторность (необратимость) – невозможность обращения времени и истории вспять.

Показана амбивалентность взглядов Августина Аврелия на природу времени. С одной стороны, время в его учении предстает в качестве объективной характеристики истории мироздания, потенцированной и реализуемой Творцом. С другой стороны, оно осмыслено как внутриспсихическое условие субъективного отражения действительности. Во втором варианте время выступает в качестве протяженности человеческого духа: душа, обладающая способностями памяти, внимания и ожидания, организует членение времени на фазы прошлого, настоящего и будущего, а также его измерение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории. Августин: pro et contra. Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. Санкт-Петербург, 2002. С. 487–513.
2. Аристотель. Физика. Соч.: в 4 т. Т. 3. Москва, 1981. С. 59–262.
3. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. Москва, 1987. 348 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Москва, 1991. 448 с.
5. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (дата обращения: 08.02.2020).
6. Бриллиантов А.И. Блаженный Августин и его значение на Западе. Августин: pro et contra. Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. Санкт-Петербург, 2002. С. 151–192.
7. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. Москва, 1980. 568 с.
8. Гринин Л.Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. *Философия и общество*. 2010. № 2. С. 151–192.
9. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Избранные труды / Арон Гуревич. Москва, Санкт-Петербург, 1999. Т. 2. С. 15–260.
10. Плотин. О времени и вечности. Эннеады / Плотин. URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/ploti01/txt25.htm> (дата обращения: 08.02.2020).
11. Рассел Б. История западной философии в ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. Москва, 2009. 1003 с.
12. Святой Августин. Сповідь. Київ, 1999. 319 с.
13. Сыров В.Н., Суханова С.Ю. «О граде Божьем» и современная философия истории или что нам могут сказать размышления Августина об истории. *ΣΧΟΛΗ*. 2014. Т. 8. Вып. 2. С. 480–491.
14. Ханжи В.Б. Парадигмы времени: от онтологического к антропологическому пониманию. Херсон, 2014. 360 с.
15. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы / Мирча Элиаде. Москва, 1987. 312 с.
16. Ankersmit F. Trauma and Suffering: a Forgotten Source of Western Historical Consciousness. *Western Historical Thinking. An Intercultural Debate* / ed. by Jörn Rüsen. New York, 2002. Pp. 72–84.
17. White H. Historical Text as Literary Artifact. *The Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism* / Hayden White. Baltimore, London, 1978. Pp. 81–100.

REFERENCES

1. Averincev S.S. Porjadok kosmosa i porjadok istorii. Augustin: pro et contra. Lichnost' i idejnoe nasledie blazhennogo Augustina v ocenke russkikh myslitelej i issledovatelej: antologija. Sankt-Peterburg, 2002. S. 487–513.
2. Aristotle. Fizika. Soch.: v 4 t. T. 3. Moskva, 1981. S. 59–262.
3. Barg M.A. Jepohi i idei: stanovlenie istorizma. Moskva, 1987. 348 s.
4. Berdjaev N.A. Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii). Moskva, 1991. 448 s.
5. Blazhennyj Aurelij Augustin. O grade Bozh'em. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (data obrashhenija: 08.02.2020).
6. Brilliantov A.I. Blazhennyj Augustin i ego znachenie na Zapade. Augustin: pro et contra. Lichnost' i idejnoe nasledie blazhennogo Augustina v ocenke russkikh myslitelej i issledovatelej: antologija. Sankt-Peterburg, 2002. S. 151–192.
7. Gajdenko P.P. Jevoljucija ponjatija nauki. Stanovlenie i razvitie pervyh nauchnyh programm. Moscow, 1980. 568 s.
8. Grinin L.E. Teorija, metodologija i filosofija istorii: ocherki razvitija istoricheskoy mysli ot drevnosti do serediny XIX veka. Filosofija i obshhestvo. 2010. № 2. S. 151–192.
9. Gurevich A.Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury. Izbrannye trudy / Aron Gurevich. Moskva, Sankt-Peterburg, 1999. T. 2. S. 15–260.
10. Plotin. O vremeni i vechnosti. Jenneady / Plotin. URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/ploti01/txt25.htm> (data obrashhenija: 08.02.2020).
11. Russell B. Istorija zapadnoj filosofii v ee svjazi s politicheskimi i social'nymi uslovijami ot Antichnosti do nashih dnejj. Moscow, 2009. 1003 s.
12. Svjatyj Aughustyn. Spovid. Kyiv, 1999. 319 s.
13. Syrov V.N., Suhanova S.Ju. "O grade Bozh'em" i sovremennaja filosofija istorii ili chto nam mogut skazat' razmyshlenija Augustina ob istorii. ΣΧΟΛΗ. 2014. T. 8. Vyp. 2. S. 480–491.
14. Khanzhy V.B. Paradigmy vremeni: ot ontologicheskogo k antropologicheskomu ponimaniju. Kherson, 2014. 360 s.
15. Eliade M. Kosmos i istorija. Izbrannye raboty / Mircea Eliade. Moskva, 1987. 312 s.
16. Ankersmit F. Trauma and Suffering: a Forgotten Source of Western Historical Consciousness. Western Historical Thinking. An Intercultural Debate / ed. by Jörn Rüsen. New York, 2002. Pp. 72–84.
17. White H. Historical Text as Literary Artifact. The Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism / Hayden White. Baltimore, London, 1978. Pp. 81–100.

Khanzhy Volodymyr Borysovyh

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy and Bioethics
Odessa National Medical University
2, Valikhovskiy lane, Odesa, Ukraine

Sinitsyna Alla Vasylivna

PhD (Philosophical Sciences),
Associate Professor of the Department of Ukrainian Studies and Philosophy
Ivano-Frankivsk National Medical University
2, Galytska str., Ivano-Frankivsk, Ukraine

AUGUSTINE AURELIUS: THE MODEL OF LINEAR TIME

The problem of time attracts a research interest for millennia. However, in recent decades there has been an improvement of its relevance in connection with the increasingly tangible acceleration of the historical process. Therefore, the study and the reconstruction of various models (including the model of linear time), that offer an interpretation of the course of the history and the time, will help to find an adequate answer to the challenges of the present and the future. The aim of the article is to interpret the model of linear time (using the Augustine Aurelius system as an example) by identifying and understanding its key characteristics. The methodological foundations of the study are:

1) the conceptual reconstruction – in the understanding the model of linear time; 2) the comparative analysis – in the correlating the antique and medieval systems of worldview in general, as well as linear and cyclical models of the time and the historical process in particular; 3) the principle of historicism – in the identifying the characteristic features of the Augustinian interpretation of the mankind's formation and of the course of time, which accompanies the history.

The results of the study:

1. There are shown principal differences between medieval and antique ontological systems: in the interpretation of the principle of the creation of the world; in the resolving the issue of the combination of the spiritual and the material; in the understanding the fundamental principles of regulation the world.

2. The characteristics of the model of linear time (through its comparative analysis with the model of cyclic of time), arising from the medieval Christian worldview, are revealed and considered. There are: the linearity, which essence is that the creation of the world by God set its beginning, directed the course of the time and the history towards a logical ending – doomsday, which gives an interdependence and a single common sense to all stages of the historical process; teleologicality, i. e., the correspondence of temporal-historical becoming to the Divine plan adequately to the goal given by God; the one-vectoriality (due to it the historical events run in strict sequence – from the creation to the end of history and to the summing up its results at the Last Judgment, moreover it's principal that the reversing the time and the history is impossible).

3. The duality of the point of view of Augustine Aurelius on the essence of time is emphasized. In the description of the processes of creation and formation of the world, the philosopher considers the time as their objective characteristic. The thinker resorts to subjectivization of time, encountering the difficulty of fixing the phases of time through the word «is». According to Augustine, a revealing of the past, present and future as various intentions of consciousness is the way of overcoming this difficulty.

Key words: *Augustine Aurelius, model of linear time, model of cyclic time, historical process, objectivation of time, subjectivation of time.*